

ЖАНР МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА

Вводная часть: Рассматривая азербайджанскую мемуариистику в лице Анара, Эльчина наблюдаем как расширительное, так и суженное толкование жанра мемуара. Мемуарное наследие Анара и Эльчина представлено в форме очерка и эссе. Так происходит сужение и соответственно расширение жанровых границ азербайджанской мемуариистики. В очерках или эссе Анара и Эльчина литературные размышления даются в тезисной форме. В то же время в двух разных жанровых формах разрабатываются существенные литературные, философские, психологические и культурологические (духовно-нравственные) проблемы.

Жанр мемуарной прозы, несмотря на единый и обязательный компонент – воспоминания о прошлом, может быть самыми разнообразными в тематическом отношении. Одни писатели свою главную цель видят в описании фактов исключительно своей автобиографии. Другие пишут об окружающих, судьбы которых так или иначе связаны с их собственной. Третьи являются как бы сторонними наблюдателями, очевидцами некоторых событий. Писатель отслеживает нужные события, подвергает их хронологии, выступая в качестве своеобразного картографа, классификатора, одного из тех, кто фиксирует даты, категории, виды... Эмоциональная самооценка в этих случаях может варьироваться от спокойной, сдержанной до предельно экзальтированной.

Настоящая жанровая форма в современной азербайджанской литературе, по нашему мнению, также тесно связана с поиском нового героя. Ведь в каждом национальном мемуарном произведении акцент делается, прежде всего, на достоверности любых приведённых фактов, откровенности самого писателя. Значит, и сам автор, выводя себя в воспоминаниях, дневниковых записях, личных заметках и т.п., должен быть предельно точен и правдив. В противном случае мы будем иметь дело с существенными расхождениями с интересующим нас жанром.

Почти все перечисленные позиции можно встретить в современной мемуарной прозе Азербайджана. К примеру, одного из самых видных современных писателей Анара в поздний период творчества интересуют многочисленные и разнохарактерные события прошлого в основном с философской точки зрения. С 1980-х годов он задумал небольшой по объёму цикл «Ночные мысли», который критика тогдашних времён окрестила жанром «лирической миниатюры». Спустя 35 лет (2015) он признаётся: «Жизнь прошла, и настало время рассказать мне о ней. Этой фразой я когда-то завершал свои «Ночные мысли», видимо, не догадываясь о том, что и жизнь будет продолжаться. И новые мысли вновь не перестанут возникать» [1, с. 9].

Творчество Анара двуязычно, и это условие дало возможность глубже проникнуть в сущность воспоминаний молодости, сравнивать и сопоставлять те идеи, которые завладевали писателем в разные периоды его жизни. По-новому соответственно синтезировались факты, типизировались герои и т.д. Если эссе Анара – это многолетние размышления автора, вместилище разнообразных идей философского, психологического и социально-политического содержания, то «Время и слово» Эльчина – исключительно литературные раздумья, квинтэссенция творчества разных писателей. Эльчин подыскивает достаточно редкую и оригинальную форму – своеобразные «мемуары в мемуарах» (один из парадоксальных вариантов литературного жанра «рассказа в рассказе»).

Наше внимание это эссе-воспоминание привлекло по той причине, что между ним и сочинением Анара очень много общего как в сюжетном, так и композиционном плане. В силу того, что оба произведения публикуются в 2010-2016 годах, можно без преувеличения считать одно логическим и тематическим продолжением другого без утрированного учёта точной хронологии.

Недаром эссе от 2015 года имеет подзаголовок: «из неопубликованного». Анар не лукавит; эти мысли доподлинно оказались новыми, потому что в отличие от изданий прошлых лет (а с 1980-го и вплоть до 2017 мемуары продолжают обрастать новыми рассуждениями), они включили в себя главные политические вехи из жизни азербайджанского народа. Причём, это и проблемы толерантного сосуществования в республике восточной и западной культур, встречи со знаменитыми людьми, факты живой истории. Профессиональный писатель, долгие годы активно и успешно совмещающий творчество с общественной деятельностью, конечно, не может отстраниться от сугубо художественных проблем. В то же время немалую часть его воспоминаний в «Ночных мыслях» составляют социально-политические события, крупные военные катаклизмы. Так что основные жанровые особенности мемуарной прозы остаются в силе, но художественные вкусы, пристрастия могут быть самыми разнообразными.

Например, с годами у Анара сформировалось достаточно чёткое отношение к современному литературному процессу в целом. Как реалисту, писателю-традиционалисту, ему, оказывается, всерьёз претит русский постмодерн. В ироничных тонах он пишет о том, что, к примеру, для В.Пелевина «внешняя поза», пиар значат гораздо больше, чем содержание. Конечно, это только его субъективное мнение. Но Анар утверждает: «...эпатаж приедается, но настоящее искусство требует «полной гибели всерьёз». И в итоге: «Нечего сказать, «Чапаев и Пустота» [1, с. 9] – вот какой суровый вердикт выносит он главному роману В.Пелевина.

Отрицательное отношение Анара к Виктору Пелевину, а в его лице к нормам постмодернизма в целом, быть может, несколько озадачивает. Но и оно неоднозначно. Некоторые русские и западные теоретики заявляют, что

постмодернизму без различия цветов и наций присущ решительный отказ от внутренней «аналитической серьёзности». Если учесть тот неоспоримый факт, что «Ночные мысли» – это философские размышления автора многих лет, то его воззрения полностью совпадают с такой трактовкой.

Эссе Анара «Ночные мысли», как отрезок жизни, начатой в более ранние годы, плод философских рассуждений трёх десятилетий, – есть органичное соединение западно-восточного образа жизни и мышления многоопытного писателя. Сочинение охватывает глубокие культурные пласты – от русской классической литературы XIX века до лучших творений итальянского неомодерниста Умберто Эко с его нашумевшим романом «Имя розы», сербского писателя Милорада Павича («Хазарский словарь»), Лампедузы – автора романа «Леопард» и многих других. Синтез западных литератур и культур – это «биение пульса», шкала индивидуальных предсказаний. Мемуары-эссе «Ночные мысли» – это шаг в будущее. Каким же оно видится учёному и художнику?

Анар предвещает: если литература не найдёт себе верных союзников в интеллектуальной и массовой читательской среде, то она рискует вскоре переступить ту культурологическую грань, за которой не будет возврата к нравственности в высоком смысле этого слова. И что тогда ждёт человечество? «Литература XIX века мучительно искала ответы на вопросы социальные, философские и нравственные, злободневные вопросы социального бытия. Литература XX века искала выход из отчуждения личности, его поистине фаталистического одиночества. Неужели литература и культура XXI столетия выход из многочисленных проблем будет искать в опошлении всего и вся, в откровенном цинизме, в похабщине или ерничестве по поводу духовных и эстетических ценностей?» [1, с. 18]. Эти и такого рода вопросы повисают без конкретных ответов.

Так, в конце XX столетия определённая часть мемуаров была связана с темой репрессий. Но, оказывается, эта тема в различных модификациях коснулась и азербайджанской мемуарной прозы ещё с 1960-х годов. Более того, некоторые писатели-мемуаристы о тяжёлом положении своих близких знали не понаслышке, а из первых уст.

Об этом пишет Р.Г.Кулиева. «В 60-е годы XX века – годы оттепели – в азербайджанскую литературу пришло поколение писателей, знакомых с репрессией, непосредственно коснувшейся их родителей или знакомых» [2, с. 305].

Мемуары Эльчина открываются названием, которое может в известной степени эпатировать национальных читателей: «Толстой как «матрёшка» мировой литературы». Не надо специально справляться со статьями в Толковых словарях, чтобы определить: «матрёшками» называют «игрушки»; в литературе, культуре или искусстве их можно отождествить, скажем, с «марионетками». Довольно кощунственно определить для себя наследие Л.Толстого как марионеточное.

Но Эльчин вскоре раскрывает символику такого необычного названия применительно к творчеству великого человека. С одной стороны, он сам вспоминает, какое громадное значение производит на него творчество Толстого. С другой стороны, он пишет об очень талантливых родственниках Льва Толстого – создателях того же жанра. Эльчин выстраивает большое генеалогическое древо, каждая ветвь которого знаменует собой новое слово в литературе.

Автор скрупулёзно собрал наиболее важные, с нашей точки зрения, автобиографические данные Л.Толстого. В итоге он пишет о памятных моментах книги сына Льва Толстого – Сергея, воспоминания которого в свою очередь Эльчин считает «вполне достойным образцом русской мемуаристики» [3, с. 75].

Помимо генетической памяти, которой всегда обладает талантливый художник или человек творческого труда, есть ещё и другие виды памяти. Иосиф Бродский говорил: «У всего есть предел: у глаза – горизонт; у человека – память. И только звук, отделяясь от тела, продолжает жить в душах других людей». Бродский имел в виду психологическую или сенсорную сторону памяти. Есть ещё для мемуариста память особая, литературная. Но, как считает Эльчин, «такая память – вещь ненадёжная» [3, с. 77]. По политически привходящим причинам некоторые яркие имена в литературе и искусстве забываются, несправедливо и необоснованно уступая место второстепенным писателям. Так, Эльчин пишет: «Лично для меня Ринг Ларднер в американской литературе XX столетия является вторым после Колдуэлла превосходным новеллистом. Его новеллы являли собой поистине блестящий образец крайне свободной, очаровательной и раскованной непритязательности. Но помнят Ларднера сегодня лишь те, кто «болен литературой» [3, с. 77]. «...Раздумья» не оставляют нам развёрнутой программы, чётко объясняющей принципиальную разницу между несколькими выше перечисленными видами и формами памяти мемуариста. Однако с точки зрения литературной критики, память в общепринятом толковании, на наш взгляд, вечна и беспредельна. Для мемуаров это есть главный признак, его генеральная черта.

Эти слова, по нашему мнению, как нельзя лучше характеризуют очерк-мемуар Эльчина. Сенсорная память сопровождает писателя в те моменты, когда из глубин прочитанного всплывают отдельные эпизоды, доказывающие определённую психологическую доминанту личности, выражающуюся в её поведении. Получается своеобразный приём сплавления изобразительного компонента и трезвой оценки, при котором рассуждения об общих закономерностях уже выходят за пределы реального события. При внимательном критическом взгляде они могут быть и не надуманными, но элемент художественного вымысла в них, как правило, усилен. Переходя в чисто психологическую плоскость, они становятся предметом новых и, как правило, субъективных размышлений.

Несмотря на общий характер «раздумий», мемуары Анара и Эльчина отличаются своим внутренним настроением. Анара в основном интересуют конкретные исторические факты того или иного значимого события;

Эльчин раскрывает тайны выдающихся поэтов и писателей, постоянно комментируя их, приводя личную точку зрения.

Хотелось бы отметить, что композиционно эти два вышеназванных эссе – Анара и Эльчина являются как бы синтезированной формой дневника и мемуара. Например, в «Ночных мыслях» следует обратить внимание на датировку целого ряда событий или отдельных философских мыслей, приходящих интуитивно, как озарение талантливой личности. Так, построчная запись говорит в пользу дневника, а расширенные разделы напоминают герменевтику и по форме более приближаются к мемуарам. В подтверждение наших слов об относительной разнице между дневниками и мемуарами отметим, что при определённом стечении обстоятельств первые могут переходить во вторые.

Методология: В настоящей работе мы опирались на метод сравнительно-сопоставительного анализа в целях более глубокого отражения жанрового своеобразия мемуаров азербайджанских писателей XX столетия. В свою очередь метод типологического анализа позволил на примере современной азербайджанской мемуарной прозы выявить национальную специфику произведений этого жанра.

Научная новизна исследования. Настоящая работа является одной из первых попыток единого, систематического и комплексного исследования мемуарного жанра на примере некоторых произведений азербайджанской литературы XX столетия. Оригинальность и новизна представленного труда прежде всего определяются самой постановкой проблемы, основными принципами отбора и оценки избранного материала.

Использованная литература:

1. Анар. Ночные мысли // Литературный Азербайджан, 2015, № 9, с. 3-33
2. Кулиева Р.Г. Нравственные контексты Азербайджанской прозы второй половины XX века. // «Литература в контексте времени». Баку: Мугарджим, 2017, с. 305-311
3. Эльчин. Время и слово. Литературные раздумья // Литературный Азербайджан, 2010, № 1, с. 75- 88

XX əsrin sonu Azərbaycan ədəbiyyatında memuar nəsrı janrı

Xülasə

Məqalədə XX əsrin sonu Azərbaycan ədəbiyyatında memuar nəsrı janrı araşdırılır. Müəllif Anar və Elçinin yaradıcılığı əsasında memuar nəsrinin təhlilini verməyə cəhd göstərmişdir. İddiaçının fikrinə görə, hər iki müəllifin memuar nəsrində oxşar və fərqli cəhətlər vardır. Hər iki yazıcının yaradıcılığı müəllif ideyalarının təsvirində yığcamlığı və lakonikliyi ilə seçilir. Bəzi hallarda hekayələr müəllifin real xatirələrinə əsaslanır. Bu boşluğu sənədli-bədii nəsr, daha doğrusu memuarlar doldurur. Müəllif – qəhrəman – təhkiyəçi triadasında Anar real faktlara, Elçin daha çox öz intuisiyasına əsaslanır.

Anarın esseləri əsasən müəllifin çoxillik düşüncələrini ehtiva edir. Elçin Anardan fərqli olaraq, kifayət qədər nadir və orijinal sanki “memuar içində memuar” formasından istifadə edir. Anar və Elçinin memuarları öz daxili əhval-ruhiyyələri ilə fərqlənirlər. Anar əsasən konkret tarixi faktlarla maraqlanır. Elçin isə öz növbəsində görkəmli şair və yazıçıların sirlərini açıqlayır. Eyni zamanda, Elçin onları şərh edir, həm də şəxsi nöqtəyi-nəzərini də verir.

The genre of memoir prose in Azerbaijani literature of the late twentieth century

Summary

The article explores the genre of memoirs prose in Azerbaijani literature of the late twentieth century. The author tried to explore the genre of memoirs prose based on the work of Anar and Elchin. According to the author in the works of writers there are similar and different features. For creativity Anar and Elchin characterized by brevity and compactness in the presentation of the author's ideas. Stories and novels in rare cases, based on the author's real memories. This gap is filled by documentary and artistic prose, more precisely, memoirs. The triad of author – character – narrator Anar is based on real facts, Elchin more on their own intuition.

Anar's essays are in many ways the author's long-term reflections. Elchin, unlike Anar, uses a rather rare and original form, the so-called “memoirs in memoirs”. The memoirs of Anar and Elchin are different in their inner mood. Anar is mainly interested in specific historical facts. Elchin, in turn, reveals the secrets of outstanding poets and writers. At the same time, Elchin comments on them, also gives a personal point of view.

RƏYÇİ: dos. L.Ələkbərova

Dil və Ədəbiyyat: Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal № 2022.- №1(118).- S.448--450.